

Ю. М. РЕЗНИК, В. Н. ШЕВЧЕНКО

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ.

Часть 2 (24 сентября 2019 г.)

Аннотация: В статье двух авторов, излагаемой в форме беседы, обсуждается проблематика цивилизационного проекта для России, который в последнее время находится в центре внимания философской, и более того, всей научно-теоретической мысли российского общества. Становление полицентричного мира, подчеркивается в статье, делает все более императивной необходимость масштабных социальных, экономических, политических перемен в обществе, с которыми государственная власть, по мнению авторов, явно запаздывает. Ключевые вопросы, ставшие предметом

острой дискуссии между авторами статьи, выступают вопросы идентификации российской цивилизации, определение субъекта проекта, тех концептуальных знаний, на которые он должен опираться в своих практических действиях по реализации проекта.

Особое место в рассуждениях авторов занимают вопросы участия социальных философов в создании цивилизационного проекта, причины отстраненности ученых и философов от обсуждения принимаемых государственными органами власти властных решений. В статье подчеркивается важность создания благоприятных условий для развития социально-гуманитарного знания, преодоления бескрайнего идейного и философского плюрализма, который не только не способствует консолидации российского общества, но и успешно блокирует все предпринимающиеся для этого попытки. В заключение авторы призвали принять участие в дискуссии всех, кто заинтересован в том, чтобы понять историю России, ее смысл, ее будущее, независимо от партийных или каких-то иных пристрастий.

Abstract: The article of two authors, presented in the form of a conversation, discusses the problems of the civilizational project for Russia, which has recently been in the focus of philosophical, and moreover, the entire scientific theoretical thought of Russian society. The article empha-

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru;
Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: vladshevchenko@mail.ru.

sizes that the emergence of a polycentric world makes it increasingly imperative to make large-scale social, economic, and political changes in society, with which the state authorities, according to the authors, are clearly lagging behind. The key issues that have become the subject of a sharp discussion between the authors of the article are the identification of the Russian civilization, the definition of the project subject, and the conceptual knowledge that it should rely on in its practical actions for the implementation of the project.

A special place in the arguments of the authors is occupied by the participation of social philosophers in the creation of a civilizational project, the reasons for the detachment of scientists and philosophers from the discussion of power decisions made by state authorities. The article emphasizes the importance of creating favorable conditions for the development of social and humanitarian knowledge, overcoming boundless ideological and philosophical pluralism, which not only does not contribute to the consolidation of Russian society, but also successfully blocks all attempts to do so. In conclusion, the authors called on all those who are interested in understanding the history of Russia, its meaning, and its future to take part in the discussion, regardless of their party or other preferences.

Ключевые слова: проект, цивилизация, государство-цивилизация, цивилизационный подход, империя, социальная философия, философия истории, утопия, концепт, концептуальное знание, либерализм, социализм, консерватизм.

Keywords: project, civilization, state-civilization, civilizational approach, Empire, social philosophy, philosophy of history, utopia, concept, conceptual knowledge, liberalism, socialism, conservatism.

О субъекте цивилизационного развития

Ю.М.: Владимир Николаевич! Вы справедливо полагаете, что проекты будущего, «которые не опираются на политически мотивированную оценку настоящего, не обладают и политической значимостью с точки зрения их реализации». Но я сомневаюсь в том, что субъект Проекта руководствуется в своей практической деятельности концептуальным политическим видением. Стоит ли выдавать желаемое за действительное? Скорее всего, какого-то одного субъекта цивилизационного проектирования не существует. И не стоит переоценивать роль помощников первого лица государства. Его окружают, как известно, лица, придерживающиеся самых разных, порой прямо противоположных цивилизационных предпочтений.

На мой взгляд, созданием концептуального знания занимаются не помощники или советники первого лица, а специально подготовленные люди (как правило, ученые). Насколько их опыт учитывается его непосредственным окружением, для меня остается проблемой. Как известно, над выработкой стратегического курса российского государства работают люди с разными политическими позициями, которых трудно назвать единомышленниками (например, С. Глазьев и А. Кудрин).

И, может быть, не надо переоценивать ожидания общества по поводу «светлого будущего»? Конечно, СМИ, как могут, отвлекают общественное мнение от животрепещущих вопросов нынешнего развития России, подбрасывая очередную порцию тревожных фактов. Если учитывать создаваемый ими информационный фон, то мы живем в ситуации перманентного социотехногенного кризиса (наводнения, пожары, катастрофы, аварии с многочисленными разрушениями и человеческими жертвами, пандемии, криминальные случаи и пр.). И в подобной ситуации сложно задумываться о нашем цивилизационном выборе или удерживать в своём воображении очередные социальные утопии.

Согласны ли Вы с моими суждениями?

В.Н.: Один из самых сложных вопросов создания цивилизационного Проекта (особенно его политической составляющей) состоит в возможности его субъекта осмыслить, прежде всего, состояние современного общества, т.е. настоящее. Сегодня получило широкое распространение в правящей элите общества стремление много говорить о светлых и желаемых сторонах не очень близкого будущего. Получается, как у поэта М. Светлова в его стихах: «Я бегу желанием гоним. Горизонт уходит, я за ним».

Этим отличаются многие создаваемые проекты разными общественными структурами, которые прямо или косвенно способствуют манипулированию сознанием населения страны. Не так уж важно, как выглядит настоящее, главное, проект обещает наступление светлого будущего. Талант или гениальность политического субъекта (первого лица) и состоит в том, чтобы исходя из понимания той политической реальности, которую он формирует и которая, в свою очередь, его формирует, найти адекватные политические практики по трансформации настоящего состояния общества в будущее.

Субъект руководствуется, прежде всего, концептуальным политическим знанием, в создании которого могут принимать участие и весьма известные ученые, но уже в другом качестве. Ученый переходит на политические позиции первого лица государства, т.е. субъекта политического проекта, и выступает уже в роли политического помощника или советника. Это, в общем-то, нормальная вещь.

Много важных и сложных вопросов возникает по поводу отношений между учеными и властью, когда мы обращаемся к теме «советники и помощники политического лидера». Макьявелли писал: «Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает; если это люди преданные и способные, то можно всегда быть уверенным в его мудрости» [6, 88]. Если посмотреть на тех людей, которые окружали первых лиц нашего государства, то можно в какой-то мере разобраться в тонкостях формирования у первых лиц политических взглядов на историческую реальность. Характерная черта — первое лицо часто выстраивал из группы своих помощников собственную систему сдержек и противовесов, подбирая помощников с разными, нередко прямо противоположными, взглядами. Это можно увидеть и у Брежнева, Андропова, Горбачева, Путина. Но далеко не всегда эта система работала исправно и приносила пользу.

В связи с этим и возникает необходимость в изучении отечественного опыта, культуры создания концептуального знания. Важно знать, какой интеллектуальный продукт создавали политические лидеры вместе со своими советниками и помощниками. Если судить по мемуарам, то последние решали скорее ситуационные задачи, нежели стратегические. И это явилось одной из самых важных причин провалов и неудач в действиях политических лидеров на стратегических направлениях проводимой ими политики.

Сегодняшняя власть, в отсутствие цивилизационного проекта, вынуждена действовать постепенно и осмотрительно, прагматически ориентируясь в быстро меняющейся общественной жизни. Но наступает такое время, когда этого становится недостаточно. Это понимают все. Общество на всех уровнях задает власти вопрос о том, какое «светлое будущее» его ожидает. И ответа нет, по большому счету. О скольконибудь значимой роли ученых говорить не приходится. Нам ничего неизвестно о встречах и беседах руководства государства с наиболее видными учеными и философами в отличие от Китая, где такие встречи носят регулярный характер.

Разумеется, без картины желаемого будущего нет и понимания настоящего, реальных, а не умозраительных возможностей общества. Создание картины желаемого будущего — прерогатива социальной философии, ряда других фундаментальных социальных наук. Правильным, но чисто книжным, мне кажется утверждение, что успешность политического субъекта по реализации проекта заключается в том, насколько он знаком с различными философскими представлениями о будущем, о действительных или воображаемых закономерностях развития общества и истории. Платон пишет о том, что философ должен быть правителем, но его целью как философа является всматривание в истинное бытие, чтобы созерцать «... нечто стройное и вечно тождественное» и уподобляться ему, вносить «в частный и общественный быт то, что он усматривает наверху...» [12, 254].

Сегодня скорее верно обратное. Успехи политического лидера, достигнутые, прежде всего, благодаря его политическому опыту и интуиции, ставят перед наукой задачи теоретического осмысления полученных практических результатов. Но мир настолько быстро меняется, что социальная наука не успевает сегодня за ускоряющимся потоком изменений. Когнитивный разрыв между описанием системы и управлением ею сегодня стал очевидным фактом. Поэтому о стройном и вечно торжественном порядке говорить сегодня не приходится. Все сказанное требует особого внимания к глубокой и систематической разработке политического концептуального знания.

Ю.М.: О том, что «создание картины желаемого будущего — прерогатива социальной философии, ряда других фундаментальных социальных наук», можно, конечно, и поспорить. Я склонен полагать, что это — часть картины желаемого будущего самих социальных философов, которые никак не обретут уверенность в своих исследовательских поисках и не предложат обоснованные модели общественного развития современной России. К тому же, было бы наивным делом предполагать о том, что успешность реализации цивилизационного проекта «Россия» зависит от того, насколько политический субъект знаком с теми или иными философскими представлениями. Об этом справедливо пишете и Вы, Владимир Николаевич.

В этой связи у меня возник ассоциативный образ отечественной социальной философии. Ей пока не удалось стать философией общего дела, каковым могла стать, например, разработка стратегии цивилизационного развития России. Но она, как ни странно, по-прежнему претендует на роль законодательницы и идейной предводительницы социальных наук. И если прежние идеологические оковы, доставшиеся ей по наследству от истматовского прошлого, в значительной мере преодолены, то новые ограничения пока не изжиты. Я имею в виду неистребимую потребность многих социальных философов в участии в проектах общественного переустройства России. По-видимому, политизация и идеологизация социальной философии — её неизлечимая болезнь. Может быть, стоит вспомнить о своей важнейшей функции — рефлексии предельных оснований социального. А это относится и к анализу нынешнего состояния российского общества. Ведь пока остается без ответа важнейший вопрос: какое общество мы построили?

В.Н.: Можно долго перечислять, какие видные ученые и общественные деятели принимают участие в обсуждении проектов по общественному переустройству России. Это можно было бы назвать сугубо положительным явлением, если бы не одно но. Переход от общих философских рассуждений, достойных или сомнительных, к реализации цивилизационного проекта предполагает наличие политической силы,

которая разрабатывает конкретную политическую платформу, идеологию, механизмы собирания, мобилизации ресурсов общества. Вот вы, Юрий Михайлович, не один раз выражали скептическое отношение к тому, что государство и правящая элита сможет проявить политическую волю и возьмет на себя смелость в реализации большого проекта.

Однако научная мысль встречается здесь с одной трудностью, о которой нельзя не сказать. Многочисленные решения научных кругов заканчиваются обращением в правительство или в администрацию президента. А дальше? Если ученые ни в какие партии не собираются вступать, даже в системную партию, не будут играть по правилам, отстаивать на политическом и государственных уровнях свои предложения и взгляды, то, кроме государственного аппарата власти, некому будет разрабатывать и реализовывать проект?

Российская политическая система радикально отличается от западной системы. Ей, как мне представляется, противопоказано наличие многопартийности по западному образцу. Странное, но вполне объяснимое у нас отношение к власти у подавляющей части населения, в т.ч. и научного, интеллектуального сообщества. Власть — не активный субъект, с которым мы можем постоянно общаться или входить в нее. Власть — это некое объективное обстоятельство наподобие стены, прочно делящей общество на две отчужденные друг от друга части, на стены с окошками, через которые можно подавать разного рода докладные записки, обращения, петиции.

Известный общественный деятель В.Т. Третьяков много раз выступал на эту тему и говорил о том, что партии должны представлять различные социальные слои и выражать их наиболее значимые интересы. Если каждая партия выдвигает свой цивилизационный проект преобразования общества, то они никогда не договорятся. Значит, реально действующая государственная власть может или должна носить надпартийный характер. Конечно, в этой надпартийности единоличной власти кроются как огромные возможности для постоянного рывка вперед, так и для длительной стагнации. И если власть не проявляет политической воли к радикальным преобразованиям «сверху», то тогда остается другой вариант — радикальные выступления «снизу». История российской государственности демонстрирует нам из века в век один непреложный факт. Всякий раз условием стремительного рывка России вперед становится зачистка государственного аппарата от той части властной элиты, не желающей или не могущей ответить на вызовы наступающей новой эпохи.

Ю.М.: О том, что любой социальный проект имеет свой жизненный цикл и рано или поздно исчерпывает свой мобилизационный потенциал, известно давно. Владимир Николаевич! Вы обращаете внимание еще на одну особенность цивилизационного развития России — постепенное скатывание в «историческую стагнацию, ведущую в тупик». Готов согласиться с Вами в том, что мы снова опаздываем со сменой Проекта, хотя я не могу согласиться с особой миссией в этот период социальных философов. Вряд ли они смогут предостеречь общество от социального пожара и не допустить бессмысленные потрясения.

Возможно, социальные философы в сотрудничестве с учеными-обществоведами, могли бы участвовать в постановке диагноза нынешнего кризиса России. Ведь прежде, чем строить проект будущего, необходимо вначале провести диагностику текущего состояния, т.е. настоящего. Очевидно, что из всех вариантов возможного будущего следует выбирать тот, который уже давно вызрел в недрах настоящего. Без уточнения диаг-

ноза нельзя приступать к проектированию. Между тем некоторые философы не хотят разбираться в нынешнем состоянии. Им хочется побыстрее оказаться в светлом будущем и оттуда созерцать несовершенное настоящее. Что Вы можете сказать?

В.Н.: Назначение философии истории — пытаться уловить те сдвиги, которые связаны с возникновением противоречий между результатами исторического движения общества и политическим проектом или тем, что выдается за этот проект. Проект не может покрыть, охватить все многообразие исторического процесса и сделать его полностью управляемым. Проект имеет свой жизненный цикл. Его движущий заряд ограничен неким временным интервалом. Рано или поздно наступает политический кризис (сначала латентный, а затем и явный) в связи с исчерпанием его двигательной, мобилизационной силы. Сегодня в стране мы наблюдаем именно эту ситуацию — затянувшуюся, к сожалению, смену проекта.

И здесь нужно сказать, что реабилитация философской утопии в последнее время в отечественной и зарубежной литературе — это знаковое явление. Дело в том, что ведь и в прошлом, особенно начиная с Нового времени, одновременно в интеллектуальном пространстве сосуществует целый ряд утопий. И сегодня в мире вновь возрождаются и набирают силу самые разные утопии — коммунистическая, либеральная, консервативная и даже фашистская. Что это будет означать? Возрождение в новых исторических формах классовой и партийной борьбы.

Ведь философия рисует идеальный образ социального мира не просто как желательное будущее, но и как необходимое для достойного существования человека. Следовательно, идеальный общественный строй — это еще и моральный проект, основанный на определенном понимании социальной справедливости как ключевого понятия и ключевой характеристики цивилизации. Так в пользу какой модели справедливости говорит отечественный исторический опыт? Это риторический вопрос. Итак, мы вновь возвращаемся к поискам социальными философами той философской системы, которая в наибольшей степени выразила бы наше современное понимание справедливого устройства российского общества. Одним из важнейших направлений такого поиска и выступает рефлексия по поводу предельных оснований социального.

Ю.М.: *В отличие от социальной философии, явно тяготеющей к желаемому будущему, философия истории рассматривает весь исторический процесс. С её точки зрения, цивилизационный подход не исчерпал своих эвристических возможностей. Поэтому его критики выступают чаще всего с позиций социальной философии, склонной к построению различных социальных (либеральных или социалистических) утопий.*

И здесь на первый план борьбы за лучшее цивилизационное будущее мира вступают два основных противника — сторонники локальных цивилизаций и присущих им традиционных ценностей, с одной стороны, и адепты универсальной (буржуазной или коммунистической) цивилизации, с другой стороны. Спор между ними еще только начинается. И те, и другие подпитываются в идейно-политическом плане уже существующими социальными доктринами (либерализмом, коммунизмом и пр.). Конечно, имеются и другие, «переходные» стратегии цивилизационного развития, связанные с разными философскими ориентациями (евразийство, почвенничество, традиционализм и т.д.).

Каково же место отечественной социальной философии во всем этом идейном разнообразии? Искать свой особый путь развития или доказывать необходимость вливаться в лоно мировой (универсальной) цивилизации? Ответ, как всегда, не очевиден. Ведь каж-

дый философ будет поступать по-своему, т.е. в соответствии со своими убеждениями. Удастся ли нам договориться в ближайшей перспективе о Проекте цивилизационного развития России? Ведь сейчас мы имеем дело с разными проектами этого Проекта. Можно ли соединить в одной упряжке коня и трепетную лань, заставив их двигаться в одном направлении? Я пока не уверен. А Вы?

В.Н.: Поиски места цивилизационного подхода в структуре отечественной социальной философии не вызывает сегодня особого интереса. Во многом этот подход разрабатывается изолированно от других подходов, что неизменно обнаруживает его ограниченность. Все это порождает серьезную критику этого подхода вплоть до его полного отрицания. Значимость цивилизационного подхода, между прочим, состоит еще и в том, что он обращает особое внимание на изучение логики развития культуры, но без философии истории это оказывается весьма затруднительным делом.

Многие отечественные либералы активно выступают против цивилизационного подхода, не без оснований усматривают в нем основную антитезу либеральной концепции истории и решительно отвергают её. Они считают, что усиленное внимание в стране к концепции локальных цивилизаций в 1980-е гг. было ангажировано теми политическими силами, которые выступали против стремления к национально-государственному самоопределению тогда ещё советских народов, освобождавшихся от «имперских» оков и «имперского» мышления. Э.И. Паин утверждает, что цивилизационный подход превратился в орудие «цивилизационных националистов» [7, 50].

К примеру, В.А. Шнирельман прилагает огромные усилия для того, чтобы опровергнуть значимость цивилизационного подхода. Он утверждает, что на самом деле последний «является попыткой научного оправдания национализма, порой именно этнического национализма» [16, 82]. Этот подход дорог его сторонникам якобы тем, что утоляет ностальгию по былому величию России. Настаивая на особом пути России, он изымает её из обычной универсальной эволюционной схемы (в его трактовке либерально-позитивистской), основанной на социально-экономических критериях. А отказ от линейной схемы развития в пользу циклической якобы дарит России надежду на возрождение и взлет. Но этими обвинениями в адрес цивилизационного подхода автор не ограничивается. Этот подход ни много, ни мало «в своих популярных версиях формирует у учащихся культурный и расовый фундаментализм, прививает им расовое мировоззрение (в виде культурного расизма) и создает конфронтационное настроение» [16, 96].

При критике этой точки зрения нередко выпадает из поля зрения опасные последствия чрезмерного расширения объяснительных рамок цивилизационного подхода. Он требует дополнения описания цивилизации социальными ее характеристиками. Например, нужно понять, как решается проблема народовластия и собственности, финансово-экономического блока, соотношения бедности и богатства, свободы и равенства, справедливости и уверенности в будущем.

Появление цивилизационной парадигмы было вызвано реальными потребностями в объяснении причин того, почему страны незападного мира не в состоянии следовать западным ценностям, нормам, моделям поведения и устройству общества. Это в полной мере относится и к российскому обществу. Но и многие авторы, стоящие на левых позициях, также отвергают цивилизационный подход. Трудно объяснить сам факт нетерпимого отношения левых к цивилизационному подходу, который, по их мнению, несовместим с марксизмом. А.В. Бузгалин задумал очистить

марксизм, понимаемый как европейский марксизм, от всего неевропейского, и, в частности, очистить марксизм в сегодняшней России от ненужных и вредных цивилизационных примесей.

Как решает вопрос А.В. Бузгалин? Довольно просто. Он утверждает, что «в добуржуазных обществах, которые, на наш взгляд, можно считать различными моделями и различными этапами единого добуржуазного способа производства, возникают и упрочиваются основные “цивилизационные” различия. Конкретные добуржуазные социумы и есть так называемые “цивилизации”» [1, 230]. Всё правильно, но почему это «так называемые “цивилизации”»?

Дело в том, что марксизм, как пишет автор, раскрыл своего рода закономерность: «чем меньше нынешний социум ушел от добуржуазных отношений, тем более значимы для его жизни внеэкономические (так называемые «цивилизационные») параметры» [1, 231]. Капиталистический способ производства активно «съедает» добуржуазные формы общественной жизни, как следствие, он «съедает» то, что кажется цивилизационной спецификой. Какой можно сделать вывод: от так называемых локальных цивилизаций прямая дорога в истории ведет к капитализму. «По мере включения в рыночно-капиталистическую жизнь и русские, и китайцы, и иные народы постепенно все более становятся похожи на американцев» [1, 291].

Одним словом, чем быстрее победит капитализм во всемирном масштабе, тем скорее придет социализм как явление всемирного масштаба. О каких принципиальных цивилизационных различиях между странами можно тогда говорить? Однако реальная история во второй половине XX в. пошла принципиально другим путем.

Так что спор между сторонниками локальных цивилизаций и универсальной цивилизации далеко не закончен. Мы уже об этом говорили. Страна находится на перепутье, конь и трепетная лань тянут в разные стороны, а исторического времени нет, чтобы и дальше, не спеша, продолжать эти споры. Нужно принимать решение, вопрос в том, кто его будет принимать.

Ю.М.: Теперь о взаимосвязи цивилизационного и имперского проектов. Согласен с достаточно распространенным мнением, «что современная Россия представляет собой как бы полуразрушенную империю, но сохранившую в той или иной степени свои основные константы». Эти константы и воспроизводятся каждый раз, как только мы вступаем в отношения с бывшими республиками СССР или выходим со своими предложениями в мировое сообщество. Большинство стран, прошедших имперский период развития, образовали впоследствии локальные цивилизации. Пример: на территории метрополий Британской империи и империй стран континентальной Европы образовалась в новейшее время Западная цивилизация. В дальнейшем к ней присоединились еще несколько стран. Так возник Западный межцивилизационный союз, в который вступила Япония, Южная Корея и отдельные государства-сателлиты.

Можно предположить, что сегодняшняя Россия представляет собой незавершенную цивилизацию, которая пытается реконструировать себя с учетом имперского опыта дореволюционной и советской России. Другими словами, чтобы восстановить российскую цивилизацию, необходимо не только воссоздать элементы российской империи, но и привнести в неё нечто новое, привлекательное для других стран и народов. А для этого отсутствует множество необходимых условий, в т.ч. территориальных. Значит ли это, что следует возродить территориальную целостность бывшей российской империи? Конечно, нет. Но империю и цивилизацию роднит то, что обе они представляют

собой наднациональные политические образования и несут в себе универсальные смыслы. Но в отличие от империи у цивилизации нет государственных границ. Её границы определяются господствующей культурой.

Согласны ли Вы с таким пониманием различий между цивилизацией и империей?

В.Н.: Как только в литературе заходит речь о конкретной характеристике субъекта российского проекта, в центре внимания оказывается проблематика империи и традиционной культуры, тесно с ней связанная.

Можно назвать следующий набор признаков, как минимально необходимых критериев имперского бытия: (1) большое пространство или территория империи, и ее синонимы – имперское тело и имперская протяженность; (2) мессианская идея как имперская идея, имперская идеология или имперский миф; (3) продолжительность существования или время жизни конкретной формы империи, имперский цикл.

Помимо этих атрибутов империи существует еще один ее неотъемлемый признак: стремление к гегемонии. Стремление к гегемонии – характеристика динамическая. Стремление подвести под крышу империи весь окружающий ее мир – вот что выступало главной характеристикой средневековой (классической) империи. Поэтому геополитика выступала и продолжает выступать самой главной чертой империи. «Тот простой факт, что империя – прежде всего геополитический субъект, еще предстоит осознать мыслителям XX и XXI века», – замечает И. Рогов, автор книги «Теория империологии» [13, 63].

Традиционная, добуржуазная империя как исторический тип империи есть вершина развития империи как политического государства. Империя в своем развитом виде явилась государственным оформлением цивилизации.

Главная отличительная черта патримониальных, традиционных империй состоит в господстве непосредственных, личных отношений между людьми. Это касается, прежде всего, личностного характера властных отношений, проявляющих себя как непосредственное господство и подчинение сверху донизу. Связана ли социальная структура с властью, с имперской монархией? Самым непосредственным образом, это – единое целое.

Нельзя не упомянуть и о сращенности власти и собственности, о личных отношениях в сельской общине, сращенности общины и общинника с землей. Других связей, кроме личных связей и отношений, общества такого рода в сколько-нибудь значительных размерах не знают. Известно противопоставление Марксом отношений непосредственного господства и подчинения и вещного характера отношений. Оно указывает на важность исторического подхода для правильного понимания их субординации. «Индивиды не могут подчинить себе свои собственные общественные связи, пока они эти связи не создали» [7, 73]. Немыслимо представить успешное встраивание принципа разделения властей, концепции общественного договора, частной собственности и рынка в точном смысле этих понятий в условиях господства личных отношений в обществе.

В Новое время возникает другой, более высокий тип социальности, связанный со становлением общества модерна. На место личных отношений приходят вещные отношения, т.е. отношения между людьми, опосредствованные предметами, созданными ими. Соотношение этих двух типов социальности в современных государствах западного и незападного типов по существу оказалось сегодня успешно изъятым из научного обсуждения природы общественных отношений.

Замечу, в частности, что в ходе становления капиталистической мироэкономики происходит раздвоение путей развития человеческого общества, в т.ч. и образований имперского типа. Колониальная империя как взаимная связка метрополии и колонии, есть господство западного национального государства над прежними незападными империями, которое ведет к деградации этих прежних средневековых империй. Но все попытки превращения их в нечто подобное национальному государству не дали и не могли дать положительного результата. Идея создания мировой федерации национальных государств, о чем писал Кант, остается красивой, но утопичной идеей.

Во второй половине XX в. стало окончательно ясно, что, во-первых, колониальные империи распались, и на их место закономерно пришла единственная настоящая сверхдержава. Западная цивилизация сохраняет свое базовое единство и наряду со сверхдержавой США включает в себя также ЕС как новый тип государственно-политического образования. Во-вторых, бывшие империи, такие как Китай, Индия, Иран, Россия не смогли в силу исторических обстоятельств стать национальными государствами. Это – государства-цивилизации, которые сохранили в своей основе онтологическую матрицу традиционной империи. Просто эта матрица получает воплощение сегодня в другой конкретно-исторической форме. Теперь в условиях постсовременности, постмодерна или новой современности, государства-цивилизации, сохраняя в той или иной степени в длительной перспективе некоторые основные черты имперской матрицы, вместе с тем энергично используют достижения Запада как в политической жизни, так и в экономике, науке, технологиях.

В итоге, мы уже сегодня имеем сложные синтезные государственные образования применительно к незападным государствам-цивилизациям, которые включают в себя различные по своей природе элементы. И потому они неорганичны, и долгое время будут таковыми. Этот синтез – сложный, живой и непрерывно изменяющийся. Китай – один пример. Россия – другой. Иран – третий. Но общность их – в сохранении культурно-исторической традиции, идущей из глубины веков.

Вместо национальных государств мы имеем здесь государство, которое есть импероподобное образование, т.е. подобное средневековой империи, но постепенно приобретающее свое самостоятельное содержание. Оно становится новым исторически типом государства, которое находится в стадии формирования. По мере дальнейшего развития матрица государственности будет трансформироваться под влиянием растущей взаимосвязи и взаимозависимости стран. И называть современное государство империей – значит не видеть тех значительных трансформаций, которые оно претерпевает. Можно говорить в научном плане об импероподобном государстве-цивилизации, как предлагает историк А.И. Фурсов [15]. Трудно сказать, насколько удачна эта формулировка, но ее следует обсуждать отдельно.

Ю.М.: Спасибо, Владимир Николаевич! Мне импонирует Ваша логика. Продолжу обоснование следующего вопроса. Глобальный западный проект, по Вашему мнению, потерпел крушение. На смену ему пришел полицентричный проект глобализации, который допускает существование империи. Реинкарнация имперской модели развития на примере США и Китая, о которой говорится в Ваших тезисах, хорошо сопрягается по смыслу с проектом цивилизационного развития России.

Можно предположить также, что империю объединяет имперская идея, а цивилизацию – цивилизационный проект. В отличие от идеи, которая насаждается сверху (им-

перскими идеологами) и сопровождается стремлением к гегемонии, проект открыт для обсуждения и не навязывается применением военно-политической силы, пусть даже в её мягком варианте. Поэтому, чтобы понять то, что есть современная российская цивилизация, следует рассмотреть её Проект, на что, собственно, Вы и указываете. Так ли это?

В.Н.: Классическая философия истории в лице либерализма и марксизма настаивали на однолинейном характере развития истории. Классическая либеральная мысль выдвинула универсалистский проект преобразования всех социальных структур. Когда этот проект потерпел поражение в связи с деколонизацией мира в середине XX в., то ему на смену пришел глобальный западный проект, составной частью которого явился новый вариант универсалистского проекта – общество модерна. И он вновь потерпел стратегическое поражение. Красный проект потерпел поражение в нашей стране, что привело к кризису формационного подхода К. Маркса. Он сохраняет свою актуальность, но основное направление его творческого переосмысления тесно связано с анализом неравномерности общественного развития, которая оказалась в центре внимания постклассической философии истории.

В чем же заключается важность миросистемного подхода, который пока не нашел признания и поддержки со стороны значительной части отечественных социальных философов? Если его осмыслить с классических марксистских позиций, то он доказывает помимо других одну очень важную вещь – традиционная имперская модель организации государственной власти не есть уходящая натура. Реинкарнация ее в современном Китае – поразительный пример, наглядно подтверждающий эту мысль. Колониальная и неоколониальная политика Центра мировой капиталистической системы в отношении ее периферии – незападных стран – так и не привела к распаду властно-управленческих структур и традиционной культуры, характерных для добуржуазных или традиционных империй.

Геополитика, т.е. борьба за контроль над ключевыми точками земного пространства, сегодня стала доминирующей на исторической арене. Но стремление к гегемонии как цель геополитики и есть главный признак империи. Тогда противоречия на исторической арене между единственной «сверхдержавой» как империей с республиканской формой правления (США) и государствами-цивилизациями, между Западом и остальным миром суть отношения соперничества в борьбе за гегемонию, и все равно, мы имеем дело с современными импероподобными образованиями. Их геополитическая деятельность приобретает сегодня новые черты, связанные, в первую очередь, с использованием «мягкой силы».

Ю.М.: Владимир Николаевич! Вы утверждаете, что «обеспечение безопасности страны является не просто военно-политической задачей, а внутренним стержнем как национальной идеи, так и самого цивилизационного Проекта». И это – одна из констант российской цивилизации. Но этим не ограничивается цивилизационный проект. Меня, как и Вас, интересует его другие параметры.

Несколько слов о полицентризме. То, что он приводит к конкуренции цивилизационных проектов, это хорошо, хотя, как Вы подчеркиваете, совсем не безопасно. Поэтому Вы призываете к осмотрительности, выдержке и ответственности. Но при этом остается открытым вопрос: что может противопоставить проекту западной цивилизации российский проект цивилизационного развития? Поскольку Россия как государство-цивилизация еще не сложилась, то и её проект следует считать незавершенным. Со-

гласны Вы с таким утверждением? И какой смысл Вы вкладываете в российский цивилизационный проект? Что, кроме военно-политической миссии, можно отнести к параметрам этого проекта?

В.Н.: Сегодня велика вероятность столкновения больших государств-цивилизаций, существующих на мировой арене. Российскому проекту важно достойно противостоять претензиям чужих проектов на геополитическое лидерство нового типа. Это означает, что авторы проекта должны принять во внимание субъектно-субъектную систему отношений между проектами. Они представляют собой внешнеполитический контекст российского Проекта.

В сегодняшнем динамично развивающемся и быстро меняющемся мире Проект должен учитывать не просто военные аспекты отношений или экономическую конкуренцию разных стран, но и амбициозность идеальных образов будущего (универсальных сторон) чужих проектов, знать их и выработать свою линию поведения, свое отношение к различным религиозным, либеральным, социалистическим проектам.

Необходимость эффективной защиты от угрозы войны, военного нападения давно уже выступает константой российской цивилизации, она пронизывает все уровни и сферы сознания общества. С определения условий, при которых возможна эффективная защита от военной угрозы, должна начинаться конкретизация всех параметров Проекта.

Сегодня становится все труднее в теоретическом плане (я уже не говорю про конкретные политические и культурные практики) отделять деятельность властных структур государства от «самостоятельной» жизни цивилизации. В цивилизационном проекте, который состоит из двух основных компонентов — политической и культурной — они неразрывным образом связаны друг с другом и оказывают непосредственное воздействие друг на друга. Они вместе заняты созданием цивилизационного проекта, намечают его контуры и вместе с тем пытаются уже сегодня воплощать в жизнь отдельные его задачи и цели.

В современном обществе эмпирический объем информации, необходимой для принятия стратегически верных решений, настолько велик, что государственной власти приходится создавать многочисленные аналитические центры. Но это не означает, что работы социальных философов и философов истории могут оказаться невостребованными. Среди других причин следует отметить также непонимание концептуальной природы живого политического знания, на котором непосредственно строится Проект и которое принципиальным образом отличается от политологической науки.

Полицентризм имеет не только плюсы. Стремление к преодолению однополярного мира порождает и очевидные минусы, которые не следует недооценивать. Диалог культур и конкуренция цивилизационных Проектов больших государств-цивилизаций — таковы две реалии современного полицентричного мира. Проект — это, прежде всего, совокупность стратегических политических целей, а не мечты, утопии, разного рода представления о совершенном обществе и совершенном человеке, о гуманизме, постгуманизме и трансгуманизме. Об этом, в первую очередь, говорят на своих встречах философы, теоретики и деятели культуры разных стран. Нахождение взаимопонимания между политиками и деятелями культуры в условиях реальных катастрофических угроз, нависших над всем человечеством, есть сложнейшая задача современности, которая требует от всех сторон этого необычного дискурса осмотрительности, выдержки и ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. М.: ЛЕНАНД, 2014. — Т. 1. — 640 с.
2. Гусейнов А.А. Философия как утопия для культуры // Вопросы философии. — 2009. — № 1. — С. 11-17.
3. Логинов В.Т. Ленин в 1917 году. На грани возможного. — М.: Алгоритм, 2016. — 576 с.
4. Лубский А.В., Лубский Р.А. «Русская власть» и государство в современной России // Политическая концептология. — 2017. — № 2. — С. 106-114.
5. Макаренко В.П. Политическая концептология: учебное пособие. — Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ, 2011. — 560 с.
6. Макьявелли Н. Государь: трактаты. — М.: АСТ: Профиздат, 2005. — 512 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1968. — Т. 46. — Ч. 1. — 317 с.
8. Неретина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия в 4-х тт. — Т. 2. — М.: Мысль, 2001. — С. 306-307.
9. Паин Э. Распутица: Полемиические размышления о предопределенности пути России. — М.: РОССПЭН, 2009. — 269 с.
10. Пантин И.К. Русская революция. Идея, идеология, политическая практика. — М.: Летний сад, 2015. — 296 с.
11. Платон. Государство. Законы. Политик. — М.: Мысль, 1998. — 798 с.
12. Резник Ю.М. О статусе социальной теории и её антропологической ориентации // Личность. Культура. Общество. — 2002. — Т. 4. — Вып. 3-4 (№№ 13-14). — С. 93-106.
13. Рогов И. Теория империологии. — М.: Книжный мир, 2017. — 992 с.
14. Соколова Р.И. Реабилитация утопии как симптом кризиса российской и западной цивилизаций // Философские науки. — 2019. — № 5. — С. 7-26.
15. Фурсов А.И. России нужно строить импероподобное образование. 02.12.2011. // andreyfurov.ru (Пресса). (Дата обращения 10.02 2020).
16. Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова. — М.: Наука, 2007. — 600 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Globalny kapital. V 2-kh tt. M.: LENAND, 2014. — T. 1. — 640 s.
2. Guseynov A.A. Filosofiya kak utopiya dlya kultury // Voprosy filosofii. — 2009. — № 1. — S. 11-17.
3. Loginov V.T. Lenin v 1917 godu. Na grani vozmozhnogo. — M.: Algoritm, 2016. — 576 s.
4. Lubskiy A.V., Lubskiy R.A. «Russkaya vlast» i gosudarstvo v sovremennoy Rossii // Politicheskaya kontseptologiya. — 2017. — № 2. — S. 106-114.
5. Makarenko V.P. Politicheskaya kontseptologiya: uchebnoe posobie. — Rostov-n/D: Izd-vo YuFU, 2011. — 560 s.
6. Makyavelli N. Gosudar: traktaty. — M.: AST: Profizdat, 2005. — 512 s.
7. Marks K., Engels F. Soch., 2 izd. — M.: Izd-vo polit. lit-ry, 1968. — T. 46. — CH. 1. — 317 s.
8. Neretina S.S. Kontsept // Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4-kh tt. — T. 2. — M.: Mysl. 2001. — S. 306-307.
9. Pain E. Rasputitsa: Polemicheskie razmyshleniya o predopredelennosti puti Rossii. — M.: ROSSPEN, 2009. — 269 s.
10. Pantin I.K. Russkaya revolyutsiya. Ideya, ideologiya, politicheskaya praktika. — M.: Letniy sad, 2015. — 296 s.
11. Platon. Gosudarstvo. Zakony. Politik. — M.: Mysl, 1998. — 798 s.
12. Reznik Yu.M. O statuse sotsialnoy teorii i ee antropologicheskoy orientatsii // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. — 2002. — T. 4. — Vyp. 3-4 (№№ 13-14). — S. 93-106.
13. Rogov I. Teoriya imperiologii. — M.: Knizhnyy mir, 2017. — 992 s.
14. Sokolova R.I. Reabilitatsiya utopii kak simptom krizisa rossiyskoy i zapadnoy tsivilizatsii // Filosofskie nauki. — 2019. — № 5. — S. 7-26.
15. Furov A.I. Rossii nuzhno stroit imperopodobnoe obrazovanie. 02.12.2011. // andreyfurov.ru (Pressa). (Data obrashcheniya 10.02 2020).
16. Shnirelman V.A. Tsivilizatsionnyy podkhod kak natsionalnaya ideya // Natsionalizm v mirovoy istorii / Pod red. V.A. Tishkova. — M.: Nauka, 2007. — 600 s.

Поступила в редакцию 23.03.2020 г. (№ 2396)